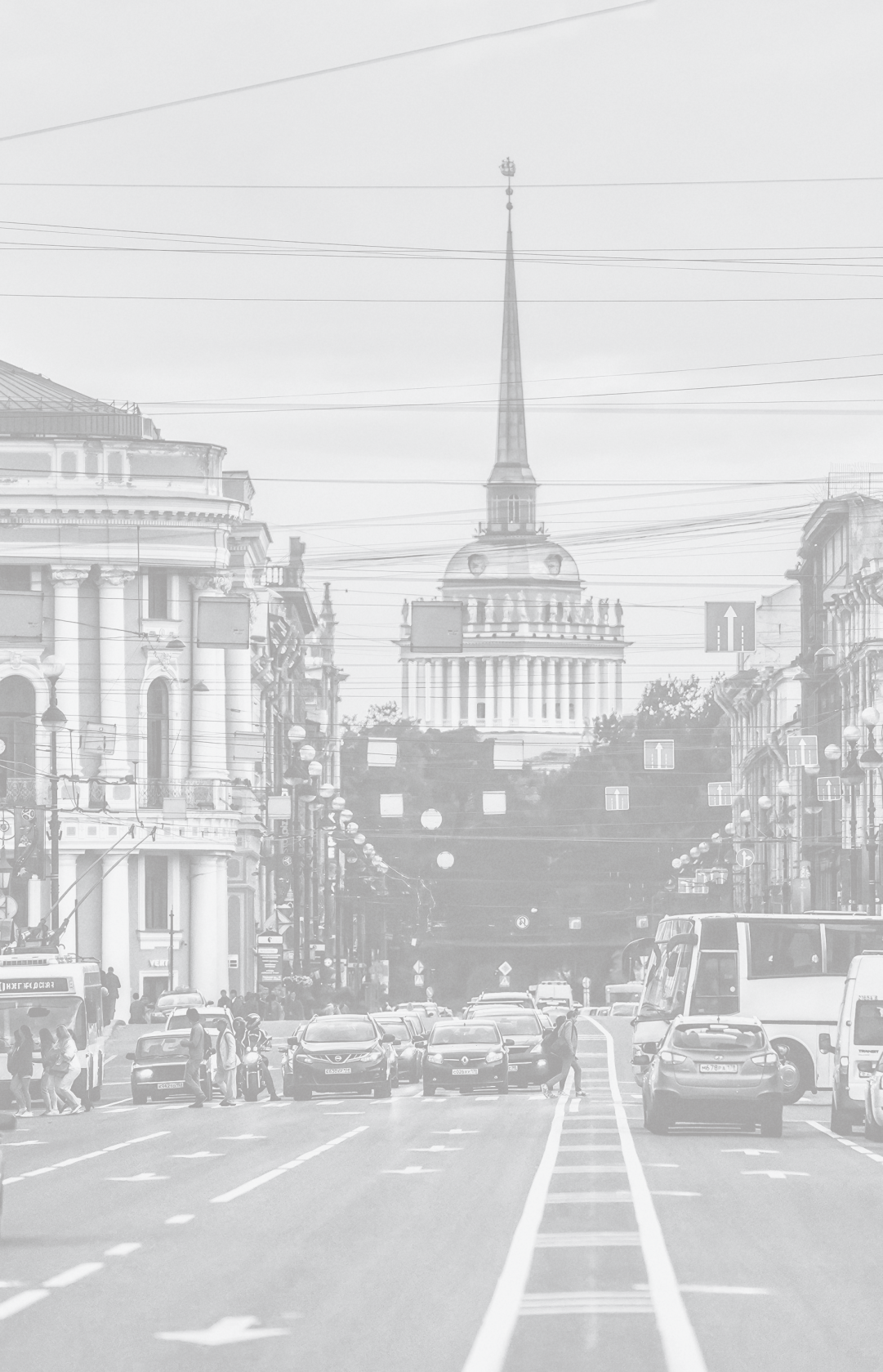

ПРОЕКТ
НАУМА
СИНДАЛОВСКОГО

НАУМ
СИНДАЛОВСКИЙ

ЛЕГЕНДЫ
И МИФЫ
**НЕВСКОГО
ПРОСПЕКТА**

Издательство АСТ
Москва

ЧАСТЬ I НЕВСКИЙ, КОТОРЫЙ ЕСТЬ

CAFE SINGER

-20%

КОМПАНИЯ ЗИНГЕР

ЗОНА ПЕШЕХОДОВ

ЗОНА ПЕШЕХОДОВ

ЗОНА ПЕШЕХОДОВ

ЗОНА ПЕШЕХОДОВ

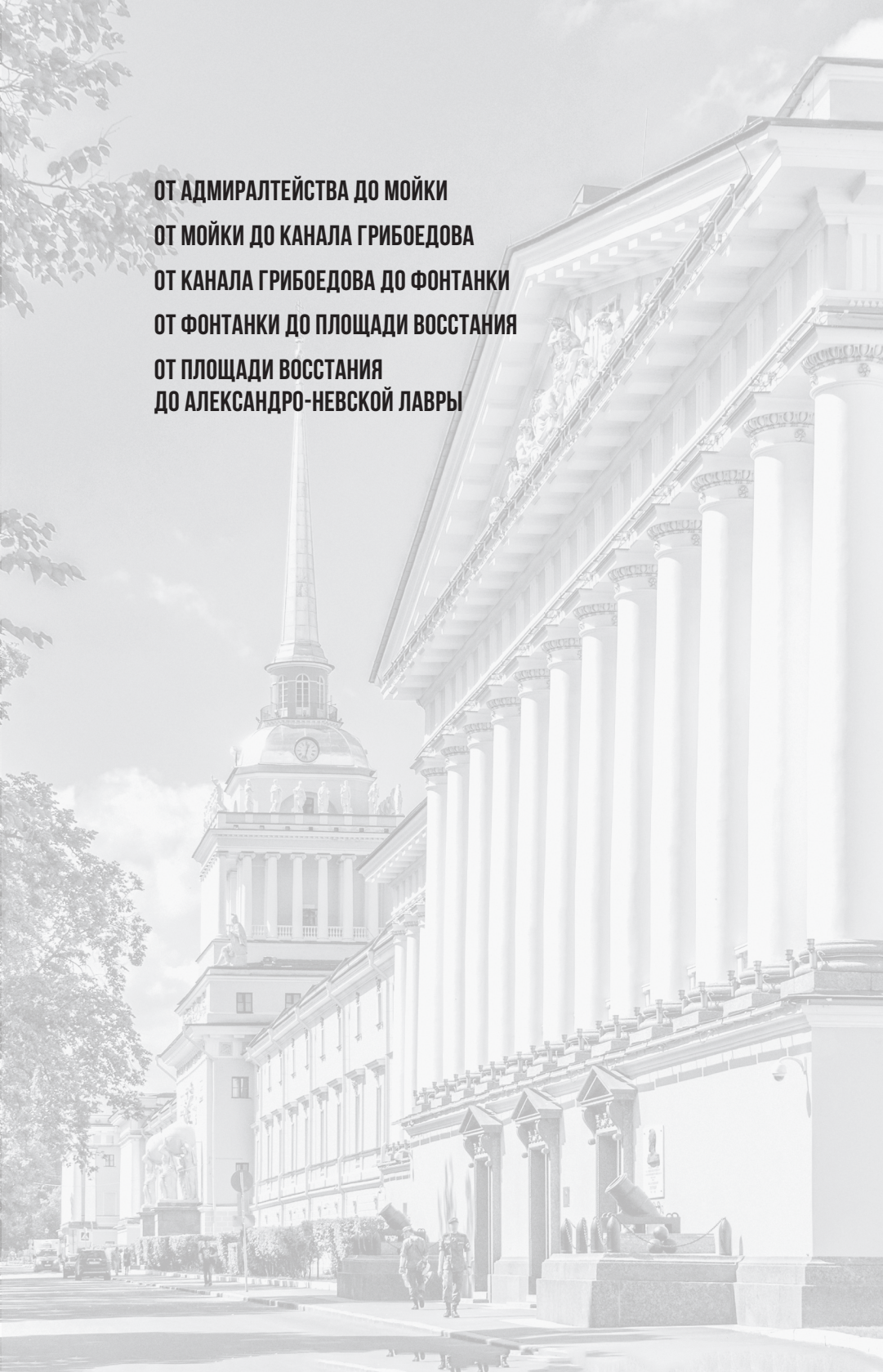
ЗОНА ПЕШЕХОДОВ

ЗОНА ПЕШЕХОДОВ

ЗОНА ПЕШЕХОДОВ

ЗОНА ПЕШЕХОДОВ

**ОТ АДМИРАЛТЕЙСТВА ДО МОЙКИ
ОТ МОЙКИ ДО КАНАЛА ГРИБОЕДОВА
ОТ КАНАЛА ГРИБОЕДОВА ДО ФОНТАНКИ
ОТ ФОНТАНКИ ДО ПЛОЩАДИ ВОССТАНИЯ
ОТ ПЛОЩАДИ ВОССТАНИЯ
ДО АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ**

ОТ АДМИРАЛТЕЙСТВА ДО МОЙКИ

1

Появление Невского проспекта предопределилось строительством двух важнейших градообразующих объектов на левом берегу Невы: Адмиралтейства, сразу же ставшего морским символом Петербурга и его административным центром, и духовного центра Северной столицы — Александро-Невской лавры. Их надо было объединить. Этого требовала логика как предыстории, так и истории раннего Петербурга.

Как известно, Петербург возник на противоположном, правом берегу Невы, на Заячьем острове и Петербургской стороне, однако едва ли не сразу строительство и развитие города перекинулось на левый берег. Это было связано с необходимостью найти удобное место для строительства и спуска на воду кораблей.

Первое письменное упоминание об Адмиралтействе появилось 5 ноября 1704 года в походном журнале Петра I: «Заложили Адмиралтейский дом и веселились в Аустерии». «Аустерия» — это первый петербургский трактир, находившийся на Троицкой площади, на правом берегу Невы. А место для строительства Адмиралтейства было выбрано на противоположном, левом, берегу.

И неслучайно. Во-первых, тут существовало известное еще в XVI веке поселение Гавгуево, а значит, территория была более или менее сухой. К началу XVIII века здесь находилась мыза шведского майора Эриха-Берндта фон Конау, который, по некоторым легендам, был на самом деле русским дворянином Коновым, перешедшим на службу к шведскому королю и поменявшим фамилию на шведский лад. Во-вторых,

Нева в этом месте была достаточно широкой, что представляло удобство для спуска кораблей со стапелей. В-третьих, в случае необходимости (Северная война еще только началась, и никто не знал, сколько она продлится) Адмиралтейство могло служить крепостью.

Строилось Адмиралтейство по личным карандашным наброскам самого Петра I и представляло собой длинные мазанковые сооружения в виде опрокинутой буквы «П» («покоя»). Глухая сторона «покоя» служила крепостной стеной, перед которой были вырыты наполненные водой рвы, насыпаны земляные валы, устроен открытый луг — эспланада, и возведены другие фортификационные сооружения в полном соответствии с правилами военного строительного искусства того времени.

В 1719 году была предпринята первая перестройка Адмиралтейства под руководством голландского «шпицного и плотницкого мастера» Германа ван Болеса. Именно тогда над въездными воротами и установили высокий «шпиц с яблоком» и корабликом на самом острие «шпица». В городском фольклоре сохранились следы восхищения этим сооружением. «Посмотри-ка, — сказал один веселый балагур своему приятелю, — на шпице Адмиралтейства сидит большая муха». — «Да, я вижу, она зевает, и во рту у нее нет одного переднего зуба», — ответил тот.

С тех пор ни одна перестройка — а их было две: в 1727–1738 годах по проекту Ивана Коробова и через сто лет, в 1806–1823 годах, по чертежам Андреяна Захарова — не посягнула на эту удивительную идею ван Болеса. Более чем за два с половиной столетия адмиралтейский шпиль с корабликом, или, как его с легкой руки Александра Сергеевича Пушкина стали называть петербуржцы: «адмиралтейская игла», превратился в наиболее известную эмблему Петербурга.

Мифотворчество вокруг кораблика началось уже в XVIII веке. К всеобщему удивлению, оказалось, что ни один корабль, спущенный на воду Петром I до 1719 года, ничего общего с корабликом на «шпице» не имел. Родилась

легенда о том, что прообразом его был первый русский военный корабль, построенный еще царем Алексеем Михайловичем, отцом Петра Великого. Действительно, «тишайший» царь Алексей Михайлович построил в 1668 году боевой корабль «Орел». Размером он был невелик — чуть более двадцати метров в длину и шесть с половиной в ширину. На нем впервые был поднят русский морской флаг. «Орел» строился на Оке и первое свое плавание совершил по Волге, от села Деденево до Астрахани. Однако там был захвачен отрядом Степана Разина и сожжен. Сохранилось изображение этого «прадедушки русского флота», сделанное неким голландцем и находящееся в одной из музейных коллекций Голландии. И, пожалуй, действительно есть некоторое сходство кораблика на Адмиралтействе с изображением на рисунке.

В 1886 году кораблик сняли со шпилья и передали в экспозицию Военно-морского музея, а на Адмиралтействе установили его точную копию. К этому времени относится легенда о некоем умельце, который без помощи строительных лесов каким-то непостижимым образом сумел обогнуть «яблоко», повис над ним и проделал ряд сложных ремонтных операций. Целых два года ему якобы не выплачивали никакого денежного вознаграждения, ссылаясь на то, что нет ни малейшей возможности удостовериться в качестве произведенной работы. «Ну, сходите и посмотрите, — будто бы говорил герой этой легендарной истории, — там же все видно».

Вокруг адмиралтейской иглы витает множество мифов. Одни говорят, что внутри позолоченного яблока находится круглая кубышка из чистого золота, а в кубышке будто бы сложены образцы всех золотых монет, отчеканенных с момента основания Петербурга. Но открыть ее невозможно, потому что тайна секретного поворота, открывавшего кубышку, безвозвратно утрачена. Другие утверждают, что никаких монет в кубышке нет, зато все три флага на мачтах кораблика сделаны из чистого золота, а в носовой его части хранится личная буссоль Петра I. Строятся немыслимые догадки и фантастические предположения о названии кораблика. Одним удалось будто бы прочесть: «Не тронь меня», другим: «Бурям

навстречу». На парусах кораблика действительно есть текст. На них выгравировано: «Возобновлен в 1864 году октября 1 дня архитектором Риглером, смотритель капитан 1 ранга Тегелев, помощник — штабс-капитан Степан Кирсанов». Шар же, или, как его называют, «яблоко», и в самом деле польый. Внутри находится шкатулка, хотя и не золотая. В шкатулке хранятся сообщения о всех ремонтах иглы и кораблика, имена мастеров, участвовавших в работах, несколько петербургских газет XIX века, ленинградские газеты и документы о капитальных ремонтах 1929, 1977 и 1999 годов. Среди прочих документальных свидетельств нашего времени в нее было положено «Послание к потомкам».

*Белые ночи в июле.
Жемчужного неба слюда.
Подобны резиновой пуле
Невинные капли дождя.
Не наступить бы на грабли —
Раскрыть во спасение зонт.
Адмиралтейский кораблик
Уходит за горизонт.
Но нет. Золоченый парус
Проигрывает игру.
И все, что ему осталось, —
Подсесть на свою Иглу.
И, в небо нацелив клотик,
Свободный, один, ничей,
Впитывать, как наркотик,
Воздух белых ночей. ****

Автор стихов, отмеченных знаком ***, —
Н.А. Синдаловский.

К 1705 году основные производственные сооружения Адмиралтейской верфи: эллинги, мастерские, склады, кузницы, — были построены. 29 апреля 1706 года со стапелей Адмиралтейства сходит первое судно — 18-пушечный корабль, проект которого, по преданию, составил сам Петр I. Известно, какое значение придавал Петр строительству военно-морского флота. Он не оставлял его без внимания даже во время частых отлучек из Петербурга. В фольклорной энциклопедии петербургской жизни первой четверти XVIII века сохранился характерный обмен «посланиями» между царем и первым генерал-губернатором Петербурга Александром Даниловичем Меншиковым:

*Петр I — Меншикову:
Высылаем сто рублей
На постройку кораблей.
Напишите нам ответ,
Получили или нет.*

*Меншиков — Петру:
Получили сто рублей
На постройку кораблей.
Девяносто три рубли
Пропили и прое...
Остается семь рублей
На постройку кораблей.
Напишите нам ответ,
Строить дальше али нет.*

*Петр — Меншикову:
Воля царская моя:
Я не знаю ни х...
Пили с кем, кого е...
Мне, чтоб строить корабли.*

Петербургское Адмиралтейство в начале XVIII века было единственным в Европе судостроительным предприятием, которое могло похвастаться величественным зрелищем — спуском корабля на воду перед самыми окнами царского дворца. Спуском руководил адмирал Ф.А. Головин, отчего в Петербурге все новые корабли называли «новорожденными детками Головина». Сам царь лично вручал старшему мастеру спущенного корабля на серебряном блюде по три серебряных рубля за каждую пушку. Говорят, что еще несколько лет после смерти Петра мастер в день спуска нового корабля в память о великом императоре одевался в черную траурную одежду. Только при жизни Петра I, с апреля 1706 по январь 1725 года, на стапелях Адмиралтейской верфи было построено более 40 кораблей, а до середины 1840-х годов, когда Адмиралтейство как судостроительное предприятие полностью утратило свое значение, на воду было спущено около 300 кораблей.

С 1718 года в башне над главным входом в Адмиралтейство заседала Адмиралтейская коллегия, основанная Петром I в 1700 году под названием Адмиралтейская канцелярия. Членов Коллегии в народе называли «адмиралы из-под шпича», то есть из Адмиралтейства. Учитывая, что в старые времена производство в чины шло исключительно медленно, полными адмиралами они становились в весьма престарелом возрасте. В основном такими стариками и была наполнена Адмиралтейств-коллегия. Понятно, как высока была смертность в этом почтенном учреждении. Сохранился анекдот о том, как Николай I однажды спросил А.С. Меншикова, возглавлявшего в то время Коллегию: «Отчего у тебя так часто умирают члены Адмиралтейств-совета?» — «Кто же умер?» — спросил в свою очередь Меншиков. — «Да вот такой-то, такой-то...» — сказал государь, насчитав трех или четырех адмиралов. «О! Ваше Величество, — отвечал князь, — они уже давно умерли, а в это время их только хоронят».

В первой четверти XVIII века Петр I лично заседал со своими адмиралами в Коллегии. Заседания, как правило, про-

должались до 11 часов, когда государь, по сложившемуся обыкновению, подкреплял себя рюмкой анисовки. Адмиралы с удовольствием следовали примеру царя. Постепенно сложилась, а затем распространилась по всей Руси поговорка, обозначающая время предобеденной выпивки и закуски: «Адмиральский час пробил, пора водку пить». Повторимся, «Адмиральский час» — это 11 часов — время, которое с тех пор на кораблях Военно-морского флота называют «адмиральский полдень». Между прочим, согласно «Словарю русского военного жаргона», «Адмиральский час» — это любой послеобеденный часовой отдых на корабле. А в народе утверждали, что в «Адмиральский час» адмиралы выпивали рюмку водки под грохот полуденного выстрела.

Благодаря Адмиралтейству и заседавшей в ее стенах Адмиралтейств-коллегии в Петербурге возник архитектурный стиль, известный по полуофициальному термину «адмиралтейская архитектура». Так в Петербурге называли архитектурный стиль утилитарных, в основном производственных и складских построек из красного кирпича, с неоштукатуренными стенами и минимумом декоративных элементов на фасадах, восходящих к петровскому промышленному зодчеству. Основными апологетами этого стиля были архитекторы Адмиралтейств-коллегии, отчего и повелось название. Традиции, заложенные адмиралтейскими зодчими, сохранялись на протяжении всего XVIII и XIX веков. Краснокирпичные корпуса заводских цехов и даже общественных зданий можно встретить во всех районах города. Наиболее ярким примером «адмиралтейской архитектуры» могут служить корпуса Новой Голландии, сооруженные в 1765–1780-х годах по проекту архитекторов Ж.Б. Валлен-Деламота и С.И. Чевакинского.

Последним морским министром Российской империи был адмирал флота Иван Константинович Григорович. Он начал карьеру в 1874 году, а во время Русско-японской войны командовал броненосцем «Цесаревич» и в марте 1904 года стал командиром крепости Порт-Артур. В 1908 году

он был назначен главным командиром Кронштадтского порта, в 1911-м стал морским министром. Много сделал для возрождения русского Военно-морского флота после его сокрушительного поражения в Русско-японской войне, однако в петербургском городском фольклоре известен по уничижительному прозвищу «Вор Ворович».

Чего здесь было больше — слухов о коррупции в кабинетах чиновников Военно-морского ведомства или языковых ассоциаций при произношении фамилии министра, сказать трудно. Скорее всего, и то и другое. Но подлинные заслуги адмирала были по достоинству оценены гораздо позже. В 1923 году Григорович эмигрировал во Францию, там и скончался в 1930-м, и только в 2005 году его прах был торжественно перенесен в Петербург. Теперь он покоится на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Сразу после Октябрьской революции, в декабре 1917 года, комиссаром Морского генштаба, а затем морским министром был назначен мичман Балтийского флота Федор Раскольников. Тогда же, следуя традициям старого времени, он вместе со своей женой Ларисой Рейснер вселился в казенную квартиру в здании Адмиралтейства, которую совсем недавно занимал адмирал Григорович. Лариса Михайловна быстро освоилась. Здесь, в кругу своих близких родственников, которых в Петрограде называли «Ревсемейством», она любила устраивать приемы для бывших богемных приятелей. Угощала их редкой в голодном Петрограде икрой и другими деликатесами, блистала театральными нарядами, взятыми в костюмерных Мариинского театра, и возмущалась буржуазным убранством квартиры царского министра.

В этих же ярких вызывающих нарядах работы художника Бакста, ничуть не смущаясь, она могла навестить своих литературных знакомых, пригретых новой властью в Доме искусств на Мойке, так же запросто, как еще совсем недавно посещала эстетствующих поэтов в «Башне» Вячеслава Иванова на Таврической улице.

Лариса Михайловна Рейснер родилась в польском городке Люблине, в интеллигентной семье профессора-правоведа. В Петербург семья Рейснер переехала в 1905 году. Мать, урожденная Хитрово, была писательницей. Отец преподавал право в Петербургском университете. Род Рейснеров древний. По одним сведениям, он происходил от крестоносцев — богатых рейнских торговцев, по другим — от некоего крещеного еврея Лео Ринуса. Лариса рано стала писать, еще гимназисткой выпустила в рижском издательстве две книжки с характерными женскими названиями: «Офелия» и «Клеопатра». А в качестве своего литературного псевдонима выбрала мужское имя далекого предка: Лео Ринус.

Лариса рано увлеклась революционными идеями, но и, включившись в большевистскую деятельность, продолжала писать. Однако в литературных кругах серьезным успехом не пользовалась. Например, известный поэт и переводчик М.Л. Лозинский отзывался о Рейснер, как о «завиральном человеке». «Это Ноздрев в юбке. Она страшно врет, и она глупая», — говорил он. И Георгий Иванов утверждает, что «за барышней Рейснер ухаживали, а над стихами ее смеялись».

Сразу после Октябрьского переворота 1917 года родилась легенда о том историческом выстреле крейсера «Аврора», который «возвестил всему миру о начале новой эры в истории человечества».

Будто бы на крейсер в сопровождении отряда красных моряков «взошла женщина невероятной, нечеловеческой красоты, огромного роста, с косами вокруг головы. Лицо бледное. Ни кровинки. Словно ожившая статуя». Она будто бы и распорядилась дать залп из корабельной пушки. Моряки крейсера молча переглянулись: женщина на корабле — плохая примета, но команде подчинились и выстрел произвели. Так это или нет, с полной определенностью сказать трудно, но в литературе хорошо известно, что образ женщины-комиссара из «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневский списал с Ларисы Рейснер.